НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • КУЛЬТУРА

Мелькнуть в темноте лампочкой «Выход»

Священник Сергий Рыбаков — о новом альбоме Светы Бень

Света Бень. Фото: reporter-nn.ru

18:27, 5 ноября 2026,

Сергий Рыбаков

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

С августа 2026 года альбом Светланы Бень (или Беньки) и Евгения Кучмейно (псевдоним tochka K) «Карова Белая» сопровождает меня практически постоянно. Речь не просто о переживании красоты или эмоциональной вовлеченности, но о настоящем катарсисе — опыте, в котором музыка становится способом встречи человека с самим собой.

«Музыка мира, которого больше нет»

Новый альбом Светы Бень «Карова Белая»

«Карова Белая» значительно превосходит рамки привычного музыкального альбома. Это цельное художественное высказывание, которое можно воспринимать и как философское размышление, и как богословский трактат, посвященный человеческому существованию, страданию, памяти, смерти, надежде и возможности спасения.

Этот альбом — убежище, в котором я укрываюсь вот уже несколько месяцев. И зову с собой тех, кому оно также необходимо.

Про «Карову Белую» очень легко сказать что-нибудь «правильное» и потому совершенно недостаточное: что это альбом о войне, эмиграции, смерти, потере, надежде; что песни в нем написаны в разные годы, а некоторые возникли непосредственно в процессе записи в маленьком доме-студии в

Подляшье, почти у самой белорусской границы; что он звучит одновременно как фолк, постпанк, романс, детская страшная сказка, поминальная песня, кабаретная баллада и какая-то странная музыка мира, которого больше нет.

Ведь как обычно происходит: в альбоме есть хорошие песни, есть хиты, есть — «проходные». В хорошем альбоме — много хороших песен. Но в великом произведении отдельные части начинают нуждаться друг в друге. В альбоме Светы невозможно вытащить пять красивых хитов, оставить их, а остальное выбросить за ненадобностью. Даже если слушатель не формулирует эту драматургию словами, он проходит ее телом:

> сначала трудно дышать, потом страшно, больно, потом вдруг становится немного просторнее, и к концу ты обнаруживаешь, что всё еще сидишь в своем «здесь», слушаешь музыку и почему-то продолжаешь жить.

Под музыкальной драматургией здесь существует еще одна, более глубокая — антропологическая. «Карова Белая» спрашивает не о том, что происходит с миром, а о том, что происходит с человеком, когда мир, «как мы его знали, подходит к концу» (БГ*). Что остается от человека, когда за скобки биографии последовательно выносятся такие важные составляющие как Дом (после эмиграции), Семья (которая или разделена или убита), мирное существование, привычная культура и язык, профессиональное призвание, привычный круг друзей и близких? И ответ удивительно неочевиден: оказывается, человеческое не обязательно находится там, где мы привыкли его искать.

Оно может обнаружиться в способности сказать «я нуждаюсь в

надежде», признать, что «мы не вышли сухими из воды», спросить «мы когда-нибудь встретимся?», с воплем «я скучаю!!!» обратиться к небесам и, наконец, в способности продолжить дальнейшее движение.

«Спрячь меня, божья коровка»

Этот альбом может услышать и сказать «это про меня и обо мне» равно и человек, уехавший из Беларуси (или России, или Украины) и оказавшийся в Берлине, Париже, Мадриде, Варшаве, Вильнюсе или где-нибудь еще, где приходится заново собирать и бытовое пространство жизни, и самого себя, — и тот, кто «остался» во внутренней эмиграции, когда географический адрес остается прежним, а прежний мир давно закончился.

С одной стороны, альбом действительно глубоко укоренен в нашем времени — и это видно в первой же песне, где среди почти детских образов возникает пронзительная просьба: *«Спрячь меня, божья коровка, в Божью коробку ковчега — вокруг потоп».*

С другой, его предмет гораздо больше любой исторической эпохи. Этот альбом — богословский трактат о Человеке в собственной хрупкости, когда спадает, подобно осенней листве с деревьев, прежняя иллюзия защищенности и самодостаточности, силы и прочности. Мамардашвили некогда написал небольшую книжку «Необходимость человека». Необходимость — в значении «нельзя обойти стороной и миновать», «некое необходимое условие для решения уравнения под названием Человек». И человеческое в человеке начинает собираться не с уверенности в себе, а с признания того, насколько я как Человек мал, хрупок, бессилен, зависим, уязвим и совершенно не гарантирован самому себе.

> «Я хочу выжить и жить» — не лозунг сильного

> человека, а признание существа, которое понимает, что оно не такое уж сильное.

И потому просит Дух подышать здесь, просит хотя бы на секунду мелькнуть в темноте лампочкой «Выход», просит кузнечика, божью коровку, Серую Шейку, камыши, Бога — кого угодно, лишь бы не оставаться одному в водовороте этого потопа. Человечность начинается не с автономии, а с обнаружения своей не-само-достаточности. Нечто Большое и Большее обязательно должно быть при его хрупкой сути, чтобы он собирался в Человека. В противном случае — будет откатываться до «Человека тряпичного» (так называется одна из песен альбома).

Альбом не дает человеку ни одной удобной (комфортной) точки, из которой можно было бы посмотреть на происходящее отстраненно, — он требует тотальной вовлеченности, внимания, мышления, переживания.

Кроме того, субъективно для меня, «Карова Белая» — это молитва. Не потому, что в ней много просьб, покаянных обращений, благодарений, славословий, а потому, что сама структура обращения здесь молитвенная. Молитва в самом глубоком смысле — это не правильное произнесение правильных слов перед правильным Богом. Это состояние человека, который обнаруживает предел собственной автономии и обращается к тому, кто больше его.

«Дух дышит, где хочет» — почти прямая евангельская интонация; «Бог подсекает резко» — страшное и одновременно очень библейское признание того, что Бог не обязан соответствовать нашим представлениям о комфортном спасении; «Бог сам мною побач сядзе» — невероятно простое исповедание близости. А в финале остается обещание, равное

по силе евангельскому: «Я с вами до скончания века»; «Спасение придет, откуда и не ждешь».

И я особенно ценю отсутствие дешевого религиозного утешения и елейно-сентиментальных воззваний к «боженьке». Молитва как любой диалог — это и размышление, и ответ не только Бога на человеческие (как правило, весьма мелочные) просьбы, но и ответы самого человека на вопросы «оттуда».

> Так, в альбоме Беньки Бог не приходит отменить смерть, не возвращает человеку утраченное биографическое настоящее, не обещает, что больше никогда не будет страшно. Он каким-то образом присутствует внутри той реальности, которую невозможно отменить.

Это очень взрослая религиозность, потому что она не требует от Бога сначала доказать свое наличие в мире и утилитарную полезность, чтобы поверить в Него.

Фото: соцсети

На мусорной куче мироздания

Бог в альбоме не отменяет человеческую конечность, а входит в нее. Очень точно, что ключевая песня названа не «Бог», не «Воскресение», не «Вечность», а «Карова Белая»: смерть приходит в образе совершенно земного домашнего животного (и «слизывает человека»), и человек принимает ее не как победу абсолютного ничто, а как часть какого-то большего природного и духовного порядка. Сама Бень говорит об этой песне именно как об улыбке человека, принимающего свою смертность и видящего смерть частью природного цикла.

И, пожалуй, именно здесь «Карова Белая» становится психотерапевтическим произведением. Есть состояние, в котором человек переживает свое страдание как «страдание Иова» на мусорной куче мироздания: привычная система координат рухнула, объяснения не работают, прежний портрет Бога больше не выдерживает реальности, тело напоминает о

собственной конечности, близкие могут исчезнуть в любой неожиданный момент, дом может стать недоступным, будущее — непрозрачным и туманным, а все бодрые советы из серии «возьми себя в руки» звучат как предложение Иову срочно заняться тайм-менеджментом.

И вот этому человеку «Карова Белая» ничего не объясняет. Она делает нечто гораздо более ценное: она составляет ему компанию. Она садится рядом на эту самую мусорную кучу и говорит:

> да, ты мокрый до нитки; да, ты не знаешь, как оказался здесь; да, ты распался; да, ты неуязвим только в своих фантазиях; да, ты боишься смерти; да, ты нуждаешься в надежде. Но ты всё еще здесь. И более того, ты не единственный, кто здесь оказался.

В этом и состоит, наверное, самое сильное терапевтическое действие искусства: оно не обязательно убирает страдание, зато дарует человеку формы пере-живания и со-владания, в которых страдание становится переносимым. То, что было бесформенной тревогой, получает слова. То, что было одиночеством, обнаруживает голос другого. То, что казалось исключительно личной поломкой и несовершенством, оказывается общечеловеческим опытом. То, что воспринималось как конец, превращается в часть некоего маршрута.

Дыхание как минимальный признак жизни

Альбом начинается с евангельской формулы: «Дух дышит, где хочет», которая является прямой цитатой Евангелия от Иоанна

3:8. Но дальше богословская формула превращается в крик человека, который хочет «выжить и жить» и который осознает библейский факт: человеческая жизнь начинается с дыхания Бога.

Перед нами постапокалиптический мир, откатившийся до базовых настроек. В нем человек жив лишь как животное из пятого дня творения. Это с одной стороны.

С другой — «дух дышит, где хочет» — это еще и признак Божественного присутствия везде, где порой кажется, Его и быть не может! Так, например, многие святые отцы отмечали, что факт везде-присутствия предполагает, что Господь есть и в аду (в противном случае мы должны будем признать, что есть некое место, где Бога нет). Он и в аду присутствует (потому что ад — это не топос, не географическое место, а особое состояние человека). Это состояние человека, который не может выдержать наличия безусловной и всепринимающей, всепрощающей Любви. Но Дух дышит и там!

Особенно важен рефрен:

Я хочу выжить,
Я хочу выжить и жить.

Выживание — биологическая задача. Жизнь — экзистенциальная. И здесь уже то, что потом развернется на всем альбоме: дыхание как минимальный признак жизни. Дух дышит — и человек просит Его хотя бы на секунду подышать «здесь». В финале появляется образ «лампочки «Выход». Очень сильный образ: человеку не требуется даже спасение в полном смысле слова. Ему нужно хотя бы увидеть знак эвакуационного выхода.

Тема всемирного и персонального потопа продолжается во втором треке «О, капитан, мой капитан!». Название песни

является прямой отсылкой к траурному стихотворению Уолта Уитмена, которое он написал в XIX веке на убийство американского президента Линкольна, борца с рабством и вообще национального героя. Что если, задается вопросом Света, нет возможности спрятаться в толпе команды и за спиной отважного и знающего курс капитана? Что если капитан и команда — это ты сам в одном лице?

И приходит важное открытие:

Я капитан
Я — мой капитан.

Это один из ключей ко всему альбому. Капитаном собственной жизни должен стать сам человек! Причем не в духе популярного self-help: «Ты всё можешь сам». Наоборот, герой признается: «Я нуждаюсь в надежде». Совладание с рулем жизни появляется не из уверенной самодостаточности, а из признания собственной нужды.

Фото: соцсети

Как корова языком

«Ты для меня сочинил этот мир». Кто этот «Ты»? Бог, Сочинивший мир Словом? Любимый человек, который, сказав «да!» твоему миру, открывает тебе новый?

Возникает образ отношений, внутри которых некий другой буквально создает мир, словом, вкладывает Логос в твое плавание. Однако существует некое «самое главное слово», «которое нас разорвет снова». И затем английская строка: *Love, love will tear us apart again. («Любовь разорвет нас на куски снова)* — очевидная перекличка с песней Joy Division — Love Will Tear Us Apart. У Joy Division это почти холодная формула невозможности отношений. Здесь же она помещена внутрь гораздо более широкого пространства смерти, памяти и утраты.

Особенно страшный образ: *«Как я держала за мертвую руку весь мир, лежащий в черном пакете».*

Есть персональный контекст: Света незадолго до выхода альбома похоронила мужа. Но не делая нарочитым и выпяченным свое горе, она позволяет эту песню присвоить всякому, кто переживал боль утраты. Это может быть не физическая утрата, а разлука, расставание — любая дистанция с тем, кто был Логосом твоей жизни.

> Мир не просто разрушен. Он имеет тело мертвого человека. Смерть — не абстрактная философская категория. Она телесна. И все слова на свете можно забыть, кроме самого главного слова — «любовь». Христос в Евангелии говорит: «Семя, упавшее в землю, не оживет, не прорастает, если не умрет».

Если «Слово» — песня о разрушении отношений через смерть другого, то «Нетрезв» — о невозможности рационального нахождения в данной реальности. И в ней появляется прекрасный образ: *«Я возвращаюсь в свой синий лес к бессонным рыбам, к бездомным псам».*

Трезвость, о которой поет Бенька, — одна из добродетелей христианских, предполагающая духовные бодрость, напряжение, сосредоточенность и внимание через вдумчивое созерцание жизни вокруг.

Первая ступень — выключение бесконечного потока мыслей и сосредоточение на явлениях мира, которые, в отличие от мусора, подлинны и реальны: бессонные рыбы и бездомные псы. Был нетрезв, но вот переключил оптику, обнаружил в себе тот самый «синий лес» и вернулся в него — и тем самым открыл рецепт неуязвимости.

Песня «Карова Белая» — смысловой центр всей пластинки. Бенька вернулась в свой синий лес — в свой дом в Беларуси. Поэтому песня на белорусском. Бень рассказывала, что первоначально песня была написана о печальной смерти, но она переписала текст. Образ возник из белорусского выражения, связанного с тем, как что-то «слизывает корова языком». Бень сама объясняет песню как улыбку человека, принимающего собственную смертность, конечность.

Корова (не ангел смерти, не Грозный Бог, не черная женщина с косой) приходит ночью. Ко-ро-ва! Словечко-то из детских диктантов по русскому языку. И притом белая — не рыжий или бледный конь Апокалипсиса, не страшная черная корова из мордорской пустоши, а белая, домашняя, кормилица… Она просто «слизывает» человека. А дальше:

И, наконец, Бог не судьей приходит, чтобы за все спросить. Он так же, как некогда с Лазарем: *«Бог сам мною побач сядзе»* («рядышком сядет»).

Проблема смерти не столько в том, что человек перестает существовать, сколько в вопросе: остается ли он один на один с этим страхом перехода? И ответ песни: «Нет! Бог сядет рядом».

Человек состоит из слез

«Человек тряпичный» — это, пожалуй, самая страшная песня альбома. И одновременно одна из самых ироничных. Человек буквально собран из тряпья:

Фаршем голову набил,
Кулек тряпья засунул в брюхо.

Но только он свободно избирает — ограничиться этим или нет. И если здесь поставить точку — это прямой путь и к расчеловечиванию.

Важно не столько слушателю, сколько себе напомнить, что человек при всей этой «тряпичности» неисчерпаем и неописуем. Да, «человек тряпичный» (обычный, повседневный) живет до предела упрощенной жизнью: шкаф, одежда, работа, походы по бутикам, наполненный холодильник. Однако упрощенность бытия, не сопряженная с непрестанным возделыванием себя, может привести к тому, что

Что-то треснуло и хрястнуло —
И Человек легко распадается.

Распадается совершенно не поэтически: сахар, песок, бисер, собачье дерьмо, куриные, корм, попкорн, потроха.

«Прорвемся» — потрясающий поэтический каламбур. Его можно прочитать как «сделаем рывок из горизонтали в вертикаль» (подобно взлетающим птицам). Можно и иначе: прорвется этот тряпичный мешок, и всё выпадет, но «мы не

исчезнем», ибо в нас есть нечто большее и вечное.

«Жураўка» — песня эмиграции. Первый уровень прочтения — боль и плач человека в изгнании. Бенька покинула родную Беларусь, а затем и Россию и ныне живет в Германии. Иногда кажется, что люди, лишенные родины, живут припеваючи, — но это ошибка. Для многих разрыв невыносим — Светлана описывает эту боль.

Но если мы выходим из контекста, то понимаем: еще один серьезный экзистенциальный вызов человеческой хрупкости — это одиночество. Одиночество — такая же правда жизни, как и смерть. Одиноким человек рождается, одиноким решает многие внутренние проблемы, одиноким умирает — слова избитые. Но есть нечто, что способно удвоить одиночество и ужас от собственной конечности. Для огромного количества людей — это вынужденное оставление дома, или плач над его пепелищем, или побег без оглядки туда, где безопасно, но не менее одиноко. После «Человек тряпичный» и «Жураўки» возникает вопрос о том, что вообще остается от человека.

Человек состоит из воды
на шестьдесят процентов.

И вода эта — наши слезы: от горя и радости, от потерь и обретений, от боли и смеха. Разные виды слез объединяет одно — пока мы способны плакать, мы живы. Пронзающий сердце символ всё той же человеческой хрупкости и уязвимости.

Но человек состоит еще *«из вопросов»*. И главный из них рефреном звучит для человека как существа социального: «*Мы когда-нибудь встретимся?»* Этот вопрос задают в аэропортах, вокзалах, при разлуках, конфликтах и ссорах.

> И вот оказывается, что душа выступает

> синонимом скрепляющего людей цемента («*два пакетика чая — ровно столько весит его душа*» — символ совместной трапезы, вечернего чаепития двух). Не зря же иногда любящий к любимому обращается: «душа моя».

Ответа на вопрос, встретимся ли, как будто нет. Но Бенька поет эту фразу утвердительно, а не вопросительно. Вера возникает именно в интонации. Когда-нибудь всё приводящая в гармонию Божья Любовь подведет нас друг к другу и вложит руку в руку и отрет всякую слезу…

А пока нам помогает удержать нашу человечность в ее нежности громкое к Небу воззвание «Я скучаю!».

Вынесу ли я это всё?! Бенька без пафоса садится рядышком, обнимает, плачет с тобой:

«Выносил ли раньше ты хоть что-нибудь такое?»

Я, как слушатель и собеседник, отвечаю почти покаянно: «Нет».

«Есть ли силы?»

Нет.

И Бенька, словно трогая твое сердце пальцами, говорит:

«Вынесешь».

И я верю: и ей, и Богу… и в себя.